

Ван Паньди подожгла дом старосты.

Не оборачиваясь на летящие к земле искры, она бросилась вслед за Цзян Ту и Е Хуаем:

— Господин бессмертный! Юный господин!

Цзян Ту замедлил шаг, давая ей возможность заговорить.

Ван Паньди мялась, не зная, с чего начать, но облегчение после пережитого кошмара пересилило робость:

— О господин бессмертный, прошу вас, переведите дух в нашей Деревне Множества Благословений! Отведайте нашей деревенской выпечки, а уж потом отправляйтесь в путь!

Пироги! Е Хуай украдкой сглотнул слюну, и тут же его живот предательски и призывно заурчал. Мальчик смущенно прижал ладонь к ребрам, покосившись на Цзян Ту — тот выглядел совершенно равнодушным.

Но, вопреки ожиданиям, Цзян Ту не отказался. Лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, однако кивнул он Ван Паньди уже без прежней ледяной суровости:

— Хорошо, — негромко ответил он. — Благодарю за гостеприимство.

Что? Е Хуай не поверил собственным ушам. От неожиданной радости кончики его ушей мгновенно вспыхнули пунцовым цветом.

— Лишь бы вы не побрезговали нашим скромным угощением! — Ван Паньди просияла. Позабыв об усталости, она быстрыми шагами увлекла гостей за собой, направляясь к собственному дому.

Цзян Ту едва заметно переменился в лице. Под алым воротом подвенечного халата судорожно дернулся кадык. Справившись со слабостью, он неторопливо пошел вслед за уходящими — за рослой девушкой и семенящим рядом мальчишкой.

Повсюду царила глубокая, сонная тишина. На горизонте робко брезжил рассвет, словно солнце никак не решалось показаться из-за края земли.

Вдруг позади раздался оглушительный грохот: объятый пламенем дом старосты с треском рухнул под собственной тяжестью.

И ровно в это мгновение из-за холмов выкатилось солнце, заливая Деревню Множества

Благословений первыми лучами.

Е Хуай оглянулся. Очищающий огонь, точно наделенный собственным разумом, жадно поглотил жилище старосты, но не перекинулся на соседние постройки, а медленно, послушно угас.

Шум стих, и деревню вновь окутало молчание. Слышны были лишь их шаги да мерный, тоскливый скрип покачивающегося свадебного паланкина Ван Фуяо.

Почему здесь так тихо? Слишком тихо. Деревня Множества Благословений казалась заброшенной, опустевшей скорлупой.

Паньди упоминала, что сожгла всех мужчин, обратившихся в бумажных человечков. Но куда делись женщины? За все время они не встретили ни единой живой души.

— Сестрица Паньди, — негромко спросил Е Хуай, — неужели в деревне больше никого не осталось?

— Больше никого, — тихо отозвалась Ван Паньди, протягивая руку к небу, словно пытаюсь поймать дрожащий солнечный луч. — Я осталась последней.

— Ой... — Е Хуай виновато опустил голову. — Прости, я не подумал...

Ван Паньди слабо улыбнулась:

— Ничего страшного, юный господин. К тому же я не одна. Моя старшая сестра всегда со мной, да и другие сестры, тетушки, матери... Те, кто ушел, я верю, они тоже здесь, оберегают меня. Я все решила. В соседних уездах люди часто бросают новорожденных девочек. Я стану забирать их сюда. Наша деревня станет для них настоящим домом.

«Дом».

Прежде Е Хуай отдал бы все на свете за это слово. Оно казалось ему несбыточной, далекой мечтой, но сейчас...

Он посмотрел на идущего рядом Цзян Ту и почувствовал, что зависти в его душе больше нет.

Домик Ван Паньди заметно уступал усадьбе старосты в размерах, зато внутри все так и сияло чистотой. Девушка прибрала две небольшие комнаты и протянула Цзян Ту ворох свежих

вещей:

— Господин бессмертный, не беспокойтесь, Хромой Ван эту одежду ни разу не надевал. Она совершенно новая. Переоденьтесь, прошу вас.

Паньди смущенно замялась, не зная, куда деть глаза. Цзян Ту же про себя рассудил, что алый свадебный халат — все же куда более приличный наряд, нежели погребальный саван.

— Благодарю, — кивнул он.

Девушка робко улыбнулась, но тут же испуганно спохватилась и засыпала его вопросами:

— Ох, совсем забыла спросить! Какую еду вы предпочитаете? Сладкую или соленую? Любите рыбу или, может, мясо — говядину, баранину, птицу? Вам приготовить что-то легкое или любите поострее, с пряностями?..

Такое обилие подробностей привело Цзян Ту в полное замешательство.

Он давно перестал быть живым человеком и не нуждался в пище. Даже когда в преисподней устраивали редкие празднества, он лишь пригублял вино, почти не притрагиваясь к угощениям. Великий Владыка преисподней, знавший тайны мироздания и помнивший тысячелетия истории, оказался абсолютно беспомощен перед простыми бытовыми вопросами, на которые с легкостью ответил бы любой смертный. К тому же, лишенный памяти, он совершенно не помнил своих прижизненных вкусов.

В комнате повисла неловкая тишина.

Ван Паньди испуганно захлопала глазами:

— Господин... бессмертный?

Неужели она сказала что-то не то?

—... Сладкое, — после долгой паузы наконец выдал Цзян Ту.

И снова тишина.

— И... все? — нерешительно уточнила девушка.

— Все, — подтвердил Цзян Ту, разворачиваясь к двери. — Я переоденусь.

Е Хуай проводил его взглядом, слегка нахмурившись.

Цзян Ту не зря сравнивали со стройной вековой сосной — даже во время обычной ходьбы его осанка оставалась безупречной, а спина образовывала благородную, ровную линию. Но сейчас... почему его шаги казались чуть более поспешными, чем обычно? Неужели показалось?

Мальчик не успел обдумать эту мысль — его отвлекла Ван Паньди:

— Юный господин, а тебе что по душе?

Е Хуай вздрогнул, не ожидая, что спросят и его:

— Рис с тофу! И... можно мне побольше тофу, если не трудно?

Ван Паньди растерялась. Неужели это все, чего он хочет?

— Да, конечно, без проблем! А что-нибудь еще?

Е Хуай задумался, силясь вызвать в памяти самые заветные лакомства:

— Я как-то видел, как люди ели горячий запеченный батат... Пахло так сладко... — Он робко заглянул ей в глаза: — Сестрица Паньди, можно мне кусочек? Это не будет слишком хлопотно?

У Паньди больно сжалось сердце.

— Ну что ты, совсем не хлопотно! У нас в деревне самый сладкий и рассыпчатый батат. Я обязательно запеку его для тебя.

Слезы едва не брызнули у нее из глаз. Паньди и сама жила впроголодь под гнетом деревенских мужчин, но даже она не считала простой пустой рис с тофу праздничным блюдом и уж точно пробовала печеный батат. Ей было страшно представить, через какие лишения пришлось пройти этому истощенному мальчику, который выглядел как минимум на два года младше своего возраста.

И при всем этом он и его молчаливый спутник, не задумываясь, спасли ее и ее сестру. В порыве благодарности Паньди готова была снести старый храм предков и водрузить на его месте алтарь в честь своих спасителей, почитая их как живых божеств.

Едва за ним закрылась дверь, Цзян Ту тяжело, со свистом выдохнул. Кое-как добравшись до постели, он без сил рухнул на край матраса. Тело забила неудержимая, крупная дрожь.

Зажав рот ладонью, он согнулся пополам от приступа удушливого кашля. Горло сдавило судорогой. Из глубины груди хлынула темная, почти черная кровь, побежав сквозь бледные пальцы прямо на постель.

С трудом переводя дух, он заставил себя выпрямиться. Лицо его вновь приняло непроницаемое выражение. Даже теперь, когда он остался наедине с собой, а Е Хуай и Паньди находились на другом конце дома, Цзян Ту упрямо отказывался признавать собственную слабость.

По дороге сюда его дантянь разрывало от невыносимой, жгучей боли — обычный человек давно бы лишился чувств, но колоссальная сила воли удерживала Цзян Ту на ногах. Он шел ровно, не позволив себе даже поморщиться. И лишь оказавшись за закрытыми дверями, он позволил этой скопившейся в груди крови выйти наружу.

Когда черные сгустки покинули горло, невыносимое давление в груди немного ослабло.

Взгляд его потемнел.

Что-то пошло не так.

Первые признаки недомогания появились еще в подземном святилище, сразу после схватки с Буддой Тысячи Лепестков Лотоса. Тогда Цзян Ту сумел подавить приступ, но теперь истощенное тело отзывалось на перегрузку стократной болью.

Прежде он уже призывал призрачный суд Владыки преисподней — когда столкнулся с духом Ван Фуяо, и тогда все обошлось без последствий. Откуда же взялся этот яростный откат?

Похоже, корень зла крылся в самом лже-Будде.

Дыхание скверны?

Сражение с тысячелепестковым идолом было, по сути, лобовым столкновением со скверной. Слабая смертная плоть, не привыкшая к подобным нагрузкам, вполне могла пострадать от ядовитых миазмов.

Цзян Ту тыльной стороной ладони стер кровь с подбородка и недовольно поморщился.

Очертания комнаты начали расплываться и темнеть — плоть отказывалась повиноваться духу. Сонливость тяжелым саваном опустилась на плечи, сопротивляться ей не было сил. Сдаваясь под натиском изнеможения, Цзян Ту хрипло вздохнул. Последняя мысль, промелькнувшая в

его затухающем разуме перед тем, как сознание окончательно угасло, была полна глухого раздражения:

«Какое же "прекрасное" тело подобрал мне Сун Хэн. Ну погоди, вернусь в преисподнюю — мы с тобой сочтемся».

Дверь бесшумно приоткрылась.

В образовавшуюся щель заглянул Е Хуай. Сверкая золотисто-янтарными глазами, он замер на пороге, словно робкий щенок, и смешно зашевелил носом, принюхиваясь к запахам в комнате.

И вдруг до него долетел едва уловимый, но отчетливый аромат свежей крови.

Сердце мальчика пропустило удар.

Все его мысли занимал Цзян Ту. Любая мелочь, связанная с его спасителем, виделась Е Хуаю важной и пугающей. Оказавшись у себя, он долго ворочался, места себе не находя от тревоги, пока наконец не набрался смелости просто зайти и провести своего благодетеля.

Но этот резкий металлический запах намертво перехватил дыхание. Ледяной липкий страх мгновенно сковал тело. Позабыв о всяком приличии, Е Хуай налег на дверь плечом и вихрем ворвался в комнату.

Утреннее солнце еще едва поднялось, светильников никто не зажигал, и комната тонула во мраке. Однако дикая природа взяла свое: в темноте зрачки мальчика хищно сузились, мгновенно разглядев силуэт Цзян Ту на кровати.

Мужчина полулежал, прислонившись к спинке кровати. Длинные темные волосы рассыпались по плечам, веки были плотно сомкнуты. Даже во сне он казался отстраненным и недостижимым.

И только сейчас Е Хуай заметил, каким хрупким на самом деле выглядел его избавитель. Под тонкими одеждами угадывалось худощавое тело — Цзян Ту не превосходил силой обычного смертного юношу. Лишь величие и тяжелая аура, исходившие от него наяву, заставляли окружающих трепетать, видя в нем грозного и непобедимого воина.

Е Хуай тихонько подобрался к изголовью и потянул носом воздух. Источник запаха определенно находился здесь, совсем рядом.

Мальчик замер, боясь сделать даже вдох, и во все глаза уставился на грудь Цзян Ту. И лишь

когда грудная клетка мужчины мерно приподнялась, Е Хуай шумно выдохнул. Взобравшись на постель, он на цыпочках обошел лежащего кругом, тщательно осматривая его одежду. Убедившись, что никаких видимых ран нет, он наконец с облегчением перевел дух.

«Должно быть, он просто спит», — подумал мальчик. В прошлом ему доводилось видеть других измученных сосудов для парного совершенствования с разорванными меридианами — те стонали от боли и метались в бреду. Цзян Ту же дышал ровно и покойно.

Видит небо, в первые секунды он успел напридумывать худшего — вплоть до того, что его благодетель истекает кровью и умирает. Он сердито помотал головой, отгоняя дурные предзнаменования. Мальчик вовсе не желал своему спасителю зла — просто до ужаса боялся вновь остаться один на этом белом свете.

Немного помедлив, он подполз ближе. Цзян Ту не просыпался и, похоже, совсем не чувял чужого присутствия. В душе Е Хуая всколыхнулась робкая радость.

«Я только полежу рядышком. Совсем чуть-чуть... Сплю я чутко, мешать ему не стану».

Устроившись подле теплого бока Цзян Ту, мальчик свернулся калачиком и со счастливой улыбкой закрыл глаза.

Спустя несколько часов Цзян Ту открыл глаза. Погружение в глубины собственного сознания принесло свои плоды — меридианы восстановились, а бывшая слабость бесследно растворилась.

Во время медитации чувства притупляются, однако это вовсе не означало, что Владыка преисподней не почувствует, как под боком кто-то настойчиво ворочается и сопит.

Опустив взгляд, он обнаружил свернувшегося у его руки маленького, горячего, как печка, мальчишку.

Половина лица мальчугана все еще была покрыта жуткими лиловыми синяками, а в мелких царапинах виднелась грязь и мелкие камешки. И ведь даже не подумал умыться, глупый, прежде чем лезть на чужую постель.

Судя по всему, Е Хуаю снилось что-то очень хорошее: во сне его губы тронула блаженная улыбка.

Несносный малец.

Цзян Ту осторожно коснулся тыльной стороной пальца припухшей щеки Е Хуая и слегка ущипнул.

Прохлада уняла жгучую боль. Спящий Е Хуай инстинктивно потянулся за этим спасительным холодом и, завозившись, сам не заметил, как уткнулся носом прямо в грудь Цзян Ту. Прижавшись пострадавшей щекой к прохладным одеждам мужчины, он блаженно пробормотал сквозь сон:

— Спаситель...

Цзян Ту лишь молча свел брови к переносице.

Он терпеть не мог, когда кто-то нарушал его личные границы. Но мальчишка вцепился в его одеяние с такой отчаянной хваткой, словно дикий зверек. Стоило шевельнуться — и тот наверняка бы проснулся.

Подавив раздражение, Цзян Ту мысленно махнул рукой и позволил ребенку остаться на месте.

<http://bllate.org/book/19047/1943819>